

Хлебные крошки

Мы лежали на траве, чуть соприкасаясь головами, но не как лежат любовники, а, скорее, старые друзья, знакомые друг с другом вот уже несколько десятков лет.

- Расскажи что-нибудь, - прошептала Грета.

Я промолчал, думая о ней, а потом начал говорить.

На следующий день после приезда мы пошли в лес. Грета шагала чуть впереди меня, это был ее загородный дом, она знала тут каждую травинку, и мне оставалось лишь молча идти следом. Я не любил ходить в лес, инстинктивно, с детства. Но ей захотелось, а я не сумел придумать разумной причины этого не делать.

До лесу мы шли минут сорок, минуя железнодорожный переезд, затем простые деревянные дома, затем перейдя вброд полувысохший ручей. Лес был темен и мертв, похожий на все другие леса, которые я видел в своей жизни, и черные сосны еле слышно скрипели на ветру.

- Пойдем, - сказала Грета. - Вчера был дождь, наверняка грибы пошли.

Вчера действительно был дождь, он явно собирался и сегодня, и все утро небо хмурилось и давило, но затем распогодилось, и даже вышло блеклое осеннее солнце.

- Пойдем, - сказала Грета, - вон туда, видишь?

Мы гуляли по лесу около часа, заходя все глубже и глубже в лабиринт толстых, бурых стволов, который не изобразишь ни на одной, даже самой точной карте, и разговаривали о всякой ерунде, а то и вовсе молчали, слушая игры ветра в кронах. В конце концов Грета устала, и мы упали прямо в сочную зелень в центре небольшой круглой опушки. Мы лежали на траве, чуть соприкасаясь головами, но не как лежат любовники, а, скорее, старые друзья, знакомые друг с другом вот уже несколько десятков лет.

- Расскажи что-нибудь, - прошептала Грета.

Я промолчал, думая о ней и глядя вверх. Потом я, наверное, заснул, потому что когда смотришь далеко в медленно сереющее небо над головой, иногда бывает трудно отличить сон от яви.

Затем, на нас упали первые капли дождя, и я проснулся.

Грета спала, улыбаясь каким-то сновидениям. Я поцеловал ее, и через несколько секунд она мне ответила, обняв меня за шею. Я положил руку ей на грудь, а потом расстегнул молнию джинсов. Мы занялись сексом, не раздеваясь, и наши монотонные движения были какими-то сонными, сомнамбулическими, словно мы - две заржавелые шестеренки в часовом механизме, на которые только что упала щедрая капля масла. Когда по спине у меня пробежали мурашки, я остановился и кончил на траву. Грета поправила блузку и неуверенно поцеловала меня, а потом мы просто лежали, обнявшись и полузакрыв глаза.

- Пошли домой, - наконец, сказала она, - дождь уже действует на нервы. - Она поднялась с земли и отряхнула с моей головы травинки.

Мы поднялись с отсыревшей, но все еще хранившей наше тепло земли и пошли в обратном направлении. Темнело, и дождь усиливался. Наконец, Грета остановилась и, закусив губу, взглянула на меня.

- Мы заблудились, - сказал я.

- Не может быть. Я знаю этот лес с детства. Я изучила тут каждую корягу.

- С тех пор все могло поменяться. Это же лес.

- Ничего не изменилось. Просто... я должна вспомнить.

Я выудил из кармана связку ключей и самым длинным, ключом от нашей городской квартиры, нацарапал на ближайшем стволе крест.

- Пойдем, - сказал я, - куда-нибудь выйдем. Этот лес не такой большой.

Грета пожала плечами и растерянно пошла за мной, оглядываясь на помеченное дерево.

Это был вековой дуб с раскидистой кроной и большущим дуплом на высоте человеческого роста.

Мы брели, не меняя направления, озаряемые лунным светом, пробивающимся сквозь частокол сосен, и я то и дело оставлял знаки на деревьях, чтобы не заблудиться окончательно, пока не выбрались к громадине знакомого дуба с крестом, белеющим на черствой коре.

Грета села у его подножия и вздохнула.

- Заночуем здесь? - просяще сказала она. - Утром мы выберемся отсюда, я обещаю.

- Нам холодно, мы промокли, и кто знает, какие звери бродят здесь по ночам.

- Здесь нет никаких зверей, это же мой лес!

- Лес меняется, - ответил я, но сел рядом с ней и обнял за плечи. Почему-то стало еще холоднее.

Мы просидели так минут пятнадцать, или полчаса, или час, пока Грета наконец не вздрогнула и не показала рукой куда-то в сторону.

- Смотри.

Я проследил за ее пальцем и увидел: где-то в глубине чащи, за многочисленными деревьями виднелся огонек.

Мы вышли к маленькому двухэтажному домику с потемневшей от времени черепичной крышей и слегка заплесневелыми стенами. Через мутное стекло окна пробивался дрожащий свет, словно кто-то внутри то и дело дул на церковную свечу, стоящую на подоконнике. Грета взялась за дверную ручку, но тут же отпрянула - ее ладонь была покрыта чем-то бурым. Она принюхалась, затем осторожно лизнула темное пятно на руке.

- Это шоколад, - прошептала она.

Я провел пальцем по дверному косяку. Он тоже был сделан из шоколада. Стена дома была из какого-то очень твердого песочного теста, оконные рамы были покрыты сахарной пудрой, а коврик у порога был слоеным.

Грета как-то странно вздохнула и откусила огромный кусок от дверной ручки. Дверь приглушенно закрипела и отворилась. На пороге стояла ведьма.

Она не была старой и уродливой, она не была даже некрасивой, напротив, длинные, уложенные светлые волосы до плеч и приветливая улыбка при мягком мерцании свечей казались почти ангельскими, а темные глаза ее сверкали как вечерние звезды в колодце, но все-таки она была ведьмой, и мы это поняли сразу, одновременно, не обменявшись ни словом.

- Заходите, - весело сказала она, - у меня есть еще ручка на двери в спальню.

Внутри было тепло и просторно, на большом вафельном столе грудой лежали конфеты и дымился марципановый чайник. Напротив каждого из трех стульев стояло по чашке и блюдцу с вареньем.

- Угощайтесь, - сказала ведьма.

- Спасибо, - чуть виновато ответила Грета. - На ночь много сладкого вредно.

- Вы нас ждали? - спросил я и отхлебнул из ближайшей чашки. Чашка смялась и потекла в

моих руках, и пришлось сразу же вернуть ее на место. По скатерти из тончайшего листового теста начало растекаться темное пятно.

Чай тоже был сладким.

- Я ждала кого-то, - после недолгой паузы ответила ведьма. - А пришли вы. Если не хотите есть, я провожу вас в спальню, завтра утром поговорим.

Поднявшись по шоколадной лестнице, мы зашли в маленькую комнатку, заперли дверь и наконец-то остались одни. Грета медленно раздевалась, а я просто сидел на краю мягкой, сладкой кровати и пытался осмыслить произошедшее.

Наконец, мы оба укрылись одеялом, набитым, кажется, сахарной ватой.

- Тебе удобно? - спросил я.

- Липко, - сказала она и заснула.

А мне все казалось, что на целом свете - во всем, что было, и что будет, - нет ничего важнее этого вот момента, когда мы, обнявшись, лежим в темноте, и наши губы едва соприкасаются.

Следующее утро выдалось солнечным и безветренным, и когда я проснулся, оказалось, что Грета уже встала. Я поспешно натянул джинсы и вскочил на ноги. В умывальник была налита розоватая вода, отдающая лавандой и, кажется, клевером, липкая и сладкая, как и все в этом доме.

Я спустился вниз и увидел, как Грета хлопотала у огромной белой печи, то и дело залезая внутрь по пояс.

- А где наша хозяйка?

- Не знаю, - ответила она, - Я ее со вчера не видела. Слушай, не сможешь мне, тут что-то застряло.

Я подошел к развернутой печной пасти, и тут Грета выпрямилась, посмотрела на меня, и наши взгляды встретились. Ее длинные, уложенные светлые волосы до плеч и приветливая улыбка при свете утреннего солнца казались почти ангельскими, но темные глаза ее сверкали как вечерние звезды в колодце.

И я убежал, разломав по пути стену из толстой вафли.

- Дурак, - наконец, сказала Грета и поцеловала меня, отряхнув с моей головы травинки. - Пойдем домой.